

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ: РАЗМЫШЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИИ

СЕРГЕЙ МАКЕЕВ,

*доктор социологических наук, заведующий
отделом социальных структур Института
социологии НАН Украины*

Огюст Конт: у истоков социологического воображения

*Pickering M. Auguste Comte. An intellectual
biography.* — Cambridge University Press, Vol. I, 1993. —
776 p.; Vol. II, 2009. — 638 p; Vol. III, 2009. — 667 p.

В XX веке — и более точная временная атрибуция вряд ли возможна — установилось и повелось начинать отсчет бытования социологического воображения с Огюста Конта. Все верно, иного места не может быть отведено тому, кто придумал сам термин “социология”. Раймон Арон, правда, в “Этапах развития социологической мысли” изложение его взглядов предваряет рассмотрением воззрений Шарля Монтескье. Но это уж чисто французские разборки, а вот Льюис Козер в “Мастерах социологического мышления” никаких сдвигов не допускает: Конт первый в списке из полутора десятков мастеров. Эмиль Дюркгейм, сочувственно цитирующий соотечественника в работе “О разделении общественного труда” и критически — в “Правилах социологического метода”, называет его социологом. Джонатан Тернер в “Структуре социологической теории” пишет о “номинальном создателе социологии”. Отечественные учебные пособия следуют установившемуся канону — в “Социологии”, свет увидевшей под моей редакцией, Конт открывает написанный Виктором Танчером и Анатолием Ручкой раздел о возникновении и формировании социологии.

Интерес к Конту и его произведениям знал периоды подъема и относительного ослабления, однако его, а также им созданного никогда не забывали ни во Франции, что понятно, ни в иных странах. И это при том, что два его основных произведения — “Курс позитивной философии” (6 томов) и “Система позитивной политики, или Социологический трактат, институционализирующий религию человечества” (4 тома) — ни на один иностранный язык полностью не переводились, говорят — по причине используемого Контом “научного стиля” письма, делавшего их нечитательными, трудными для понимания. Во второй половине XIX века на английском в один

том свели весь курс позитивной философии, в России в 1894 году в серии “Жизнь замечательных людей” вышел биографический очерк Валентина Ивановича Яковенко “Огюст Конт. Его жизнь и философская деятельность”, в котором сказано все основное и приведены редко встречающиеся в строго научных публикациях факты, а в 1899 и 1900 годах издали два первых тома и остановились.

Последние тридцать лет библиография “контанства” устойчиво пополнялась. В Интернете легко разыскать довольно полные списки. Ограничусь несколькими примерами. На английском изданы ранние политические сочинения — “Comte: Early Political Writings”, в Москве в 2000 году философы из Академии государственной службы при Президенте Российской Федерации опубликовали 368-страничную книгу “Огюст Конт: взгляд из России”, которую в № 4 “Социологического журнала” за 2001 год обстоятельно отрецензировал Геннадий Батыгин, уже в 2000-е два издания увидел свет на русском языке “Дух позитивной философии”, в 2001 году Эндрю Верник (Andrew Wernick) в “Cambridge university press” издал “Auguste Comte and Religion of Humanity. The Post-Theistic Program of French Social Theory”, в предисловии обосновывая, почему же Конт все еще актуален.

Однако и на столь плотном фоне явно выделяется 3-томная (задумывалось 2 тома) интеллектуальная биография Конта от Мэри Пикеринг, профессора истории государственного университета в Сан-Хосе. Первый том стал доступен в 1993 году и охватывал период до 1842 года, то есть до завершения публикации курса позитивной философии. Второй том представляет десять лет с 1842 по 1851, третий — с 1852 до смерти Конта 5 сентября 1857 года, и оба тома изданы в 2009, после чего вся серия была номинирована на Пулитцеровскую премию. Подозреваю, что Мэри Пикеринг — одна из немногих, если не единственная, кто прочитал всего, без изъятий, Конта, представив тщательно выписанный портрет мыслителя в контексте эпохи и воссоздав как историческую фактичность, так и “дух времени”. Однажды решив для себя, что Конт, безусловно, известен, но про него мало что знают, избрала тот самый век предметом своих научных занятий, составила самую полную коллекцию подробностей и событий, упорядочила их, изложив все предельно тщательно, как это могут профессор американских университетов, полагающие, не исключено, будто европейцы не в состоянии страстно увлечься теми, кто составляет их подлинную славу. Быть может, впрочем, в подобном жесте стоит распознавать уверенность в евроатлантической солидарности, не противореча контовскому неколебимому отсутствию сомнения в теснейшем родстве всего человечества, преодолевающего расовые, этнические, религиозные и прочие различия.

Не стоит и пытаться пересказать 2 тысячи страниц с предметным и именным указателями — объем вполне в стиле фундатора позитивизма. А потому ограничусь тем, что менее известно, да и то произвольно мною отобранном, причём все факты заимствованы у М.Пикеринг, за прочее же она не ответственна.

Жизнь в режиме эксклюзии

Исидор Огюст Мария Франсуа Ксавье Конт (в таком порядке перечислено у М.Пикеринг) родился 19 января 1798 года, имел младшую сестру и еще более младшего брата, отношения с которыми, а также с отцом Луи-Огюстом позднее были весьма прохладными, их трудно назвать родственными. Мама — Розалия Бойер — “баловала” своего первенца, заботилась о нем в период психического расстройства, была духовным лидером в этой не очень счастливой семье. В зрелом возрасте Конт сожалел о том, что недостаточно ценил благородные душевные качества, ей присущие, и, будто искупая эту вину, приличествующую в отношении родителей каждому нормальному человеку, в созданной им Религии Человечества предписал почитать мать, жену и дочь — вот что было в его власти и что он, запоздало, для нее сделал.

С именем же небольшая путаница. В.Яковенко первым ставит Огюст, в немецкой и русской Википедии Огюст — третье имя, а в английской — второе. Не строго

соблюдавшийся французский обычай требовал называть первенца именем деда по отцу, а в перечне могли быть имена деда по матери и святых в дни рождения и крещения. Давать несколько имен — вообще в католической традиции; считалось, что святые в имени покровительствовали носителю. Бытовым и “домашним” является первое, и в лицее Монпелье Конт был известен, утверждает М.Пикеринг, как Исидор. Но повзрослев, носитель вправе выбирать любое, его ничто в этом не ограничивает. Конт подписывал работы именем Огюст, единственным светским среди его пяти: не было, сдается, иного выбора у того, кто признался, что к четырнадцати годам утратил веру в Бога.

Когда Конт писал свои многостраничные и многословные сочинения или раздумывал над какой-то проблемой, то переходил в режим “мозговой гигиены”, уединялся, ничего не читал, резко ограничивал общение — чтобы оградить себя от влияний и быть максимально оригинальным. Сочинял он способом весьма необычным. Сначала выделял в будущей работе крупные блоки, потом делил на более мелкие и составлял в уме текст, запомнить который при его феноменальной памяти не составляло труда. Когда текст был готов, он переносился на бумагу. М.Пикеринг просматривала рукописи и утверждает, что на странице встречается от трех до семи незначительных правок, а верстки он вообще никогда не вычитывал.

Соответствия между именем и жизнью сомнительны, но соблазнительны, от них трудно удержаться. Конт вел аскетический образ жизни, а практикуемое им в городской среде отшельничество стоило бы считать не случайным отклонением, но сознательно избираемым образцом поведения. Быть может (тут остается только гадать), припомнилось ему первое имя, и тогда имелся в виду Исидор Пелусиотский (умер ок. 436 года, православная и католическая церкви поминают его 4 февраля). С молодых лет жил отшельником в Египте, узнав об Иоанне Златоусте, отправился слушать его в Константинополь. Написал около 10 тысяч писем, где, как пишут в некоторых, преимущественно православных источниках, “преподобный Исидор бесстрашно обличал неправду, прославлял добродетели и святость, нелицеприятно указывал на недостатки, мудро разъяснял православные догматы и Священное Писание, изобличал ереси и нечестие, учил благочестию и подвижничеству”. Но, скорее всего, более точной является отсылка к святому Исидору Севильскому (560-й — 4 апреля 636 года), канонизированному католической церковью в 1598 году. Известен своими энциклопедическими познаниями, изложенными в 20 частях основного труда “Этимологии” — почти как курс “позитивной философии” для своего времени. 4 апреля, день смерти Исидора Севильского, объявлен Днем Сети (Интернета), а его самого многие считают покровителем, Ватикан признал его патроном Интернета, но от официального объявления покровителем воздержался. Вот и выходит, что Исидор Севильский первый энциклопедист после Р.Х., Конт завершает эон энциклопедистов (или претензии на энциклопедизм — как кто рассудит), а ныне энциклопедистом выступает Сеть, в которой, полагают некоторые, есть все.

А в завершение моих, не М.Пикеринг, малоубедительных параллелей, еще про святого в имени — Френсиса (Франциска) Ксавье(ра) (1506–1552), одного из семи основателей Общества Христа (орден иезуитов), первым генералом которого был Игнатиус Лойола. Ксавье(р) прославился своей миссионерской деятельностью, неся христианскую религию на восток, в Индию и Японию. Конт же основывает и возглавляет в середине 40-х годов Позитивистское общество, основной задачей которого сначала становится пропаганда позитивной философии, а позднее — и позитивной религии. Современный автор Эндрю Верник утверждает, что Конту нравилось думать о себе как об Аристотеле Позитивизма и святом Павле Позитивизма. В некоторых странах возникают кружки последователей и приверженцев. В Бразилии, к примеру, настолько многочисленны и влиятельны, что и по сей день официальным флагом этой страны является зеленое, как и у Позитивистского общества, полотнище, на котором присутствует основной лозунг общества “Порядок и Прогресс”, а в

1993–2002 годах президентом был избран Фернандо Энрике Кордоза, социолог по профессии, возглавлявший и Международную социологическую ассоциацию.

Конт необыкновенно активен в пропаганде своих воззрений, со многими состоит в переписке (в 1973–1990 годах изданы 8 томов его эпистолярного наследия), с 1831 по 1848 год каждое воскресенье в здании парижской мэрии читает бесплатные лекции по астрономии, попутно рассказывая о позитивной философии и требуя вмешательства государства в конфликтные отношения предпринимателей и рабочих. А кроме того пишет краткие изложения позитивной философии: комплекс приемов повлиять на общественное мнение согласно сен-симоновскому наставлению о том, что журналистам и политическим мыслителям надлежит формировать общественное мнение, которое правит миром, практикуя то, что сегодня называют “публичной социологией”. В непритворном миссионерском порыве он отсылает письма Николаю I и турецкому Великому визирию Мустафе Решид Паше, опубликованные в предисловии к третьему тому “Системы позитивной политики”. В своей философии истории (3-й том) обосновывает необходимость использовать тщательно им продуманное и опубликованное оригинальное воззрение для руководства в деле радикального сближения условий жизни и нравов народов Запада и Востока, а столицу грядущего глобализированного и единого человечества учредить в Константинополе, на стыке двух миров. Позднее надежды возлагал на США (еще в молодости подумывал о переезде туда), страну без устоявшихся традиций и обычаев, а значит открытую для всего нового. Обращается он и к генералу ордена иезуитов, призывая включиться в радикальное реформирование общества, а попутно принять имя своего первого генерала — Игнатиуса Лойолы. С точки зрения Конта, это естественно, поскольку себя, беспристрастно не находя более достойных претендентов, он назначал в первосвященники Религии Человечества в будущем позитивистском обществе, а значит и ордену иезуитов надлежало именоваться по своему основателю.

Теперь и не установить, витал ли у Конта в представлении святой Ксавье(р), признавал ли он далекие, вроде бы, соответствия в установках и целях, но не знать о нем он не мог. Впрочем, М.Пикеринг — серьезный ученый и столь гадательных ассоциаций сторонится, в индексе имен ни в одном из томов биографии ни Исидор Севильский, ни Ксавье(р) не фигурируют. В позитивистском Календаре, который философ составил впервые в ноябре 1848 года, придерживаясь революционной традиции вводить новое исчисление времени, а опубликовал в апреле следующего и впоследствии его подправлял, заменяя одни имена другими, где каждый месяц, каждая неделя и даже отдельные дни носили имена выдающихся людей. Один месяц был месяцем апостола Павла, никаких иных католических святых там больше нет, исключительно поэты, ученые, государственные деятели — славные и прославляемые предтечи.

Конт — в общем натура не созерцательная, но деятельная, причем как в науке, так и в общественной жизни. Но попытки участвовать в текущих политических коллизиях с целью воздействовать на состояние умов лишь ухудшали его репутацию. Он без разбору апеллировал к “левым” и “правым”, либералам и консерваторам, полагая, скорее всего, будто контрасты в политических установках являются поправимыми отклонениями в настроениях и предпочтениях, стоит только проникнуться духом позитивной философии, и это было не по нраву многим захваченным политическими односторонностями современникам — вплоть до ближайшего круга.

Еще в школьные годы, есть основания полагать, он приходит к мысли о собственной незаурядности и даже, что не так уж невероятно, учитывая биографию, о своей особой миссии в этой жизни (М.Пикеринг уверяет, что в 25–26-летнем возрасте). В лице он в первых учениках, получая отличия и награды за успехи в учебе по разным предметам, трудолюбив, увлечен науками, после первого прочтения или прослушивания с легкостью воспроизводит наизусть обширные поэтические произведения. Но и своенравен, самостоятелен, не всем дисциплинарным правилам подчиняется, рано постановив для себя, что именно считать достойным и справедливым.

Таковы бывают иные невысокие французы, великими себя не мнящие, и все же воистину феноменальные в несправедных деяниях или в возвышенном литературном и философском творчестве. В 16 лет поступает в Политехническую школу в Париже, он темноволос, кареглаз и ростом всего-то 158 сантиметров.

Рейтингов высших учебных заведений еще не существует, но М.Пикеринг уверена, что Школа в то время является “самым известным научным заведением в мире”. Да и то сказать, преподают и принимают вступительные экзамены по математике в разные годы Жозеф-Луи Лагранж и Пьер-Симон Лаплас. В 1814 году поступили 75 человек, Конт в рейтинге 4-й. Сокурсники зовут его Станарелем (на общих мероприятиях он въедлив и саркастичен в своих оценках текущих событий) и Философом (за увлеченность наукой и серьезность без намека на чувство юмора). Хотя по оценкам в первый год он только восьмой (черчение не давалось из-за близорукости, а предпочтения предметов устанавливал сам), но является неформальным лидером — и по способностям, и по обширности знаний, а в свободное от 12-часовых учебных занятий время верховодит в затаях и развлечениях. Студенты, похоже, ощущают себя лучшими из лучших, интеллектуальной элитой среди молодежи и будущей правящей интеллектуальной элитой страны. Все это происходит в городе, являвшемся средоточием науки, искусства и литературы, а среди ровесников (родились в 1798–1803 годах) Эжен Делакруа, Виктор Гюго, Александр Дюма, Оноре де Бальзак, Проспер Мериме — другой не приближаемый мир в пределах видимости. Когда один из преподавателей позволил себе относиться к учащимся Политехнической школы свысока и неуважительно, Конт надерзил ему на занятиях и на вопрос о том, в чем причина такого поведения, ответил, что ему есть с кого брать пример. Потом сочинил и первым подписал письмо руководству с требованием, чтобы этого преподавателя “ноги не было” в Школе. За что был отчислен и отослан в родной город под надзор полиции: зачинщик и главный смутьян был легко опознан. К тому же в администрации у него была репутация недисциплинированного студента, открыто не подчинявшегося некоторым установлениям.

Если иметь в виду все творческое наследие Конта, то, всего вероятнее, три доминантные социализирующие инстанции сформировали ту сложную и противоречивую совокупность способов воспринимать, соотносить, размышлять, оправдывать и действовать, которая воплотилась в его многочисленных текстах и реакциях на происходящее вокруг и с ним самим. Во-первых, католицизм, с его строгой иерархически выстроенной организацией, системой культов, ритуалов и ценностей, связывающий разобщенных индивидов в единое целое. Во-вторых, лицей (“средняя школа”), во времена Наполеона полувоенная организация с довольно жесткой дисциплиной, устанавливающая субординацию, отождествляемую с порядком, требующая повиновения и неподдельного почтения к тем, кто стоит выше в иерархии, а в индивидах культивирующая стойкость и мужество — доблести лиц военных, приличествующие и гражданским в их совместной жизни. В-третьих, наука, различающая, обобщающая и упорядочивающая способность Разума, возвеличенного Просвещением и Революцией 1789 года. И потому в разные периоды творчества и в зависимости от предмета рассмотрения Конт в суждениях и утверждениях то более, то менее аподиктичен или ригористичен. М.Пикеринг, компетентнейшая заступница, отводит множество инвектив современных исследователей в адрес модуса мышления Конта, показывая, что в универсуме контовских произведений представлены различные примеры интеллектуальных практик и установок, что рядом с назидательностью и односторонностью находится место проницательности, тонкости, глубине.

Проповедник с неосуществившимися миссионерскими задатками, он, вместе с тем, фатально не вписывался в статусные и властные иерархии, не попадая в тон времени, как бы тот ни менялся, некими категоричными тенденциями жизни выносимый к самым окраинам социальной структуры. И безотлучно оставаясь там, употребляя наличные и создавая новые шансы настаивать любопытствующую пуб-

лику в понимании и объяснении, а после создания “Системы позитивной политики”, в публичных выступлениях 1850-х годов, по сути, пророчествуя, будто стремился опровергнуть расхожее недоразумение о пребывании истины посередине, тогда как ее не подложное местонахождение скраю, в его-то случае ясно, с какого, а в прочих — надлежит разузнавать.

Узловые моменты хронологии социальной эксклюзии таковы. Лицейские годы прошли вне родительской семьи, в полузакрытом заведении, с кратковременными встречами с папой и мамой раз или два в неделю. Из Политехнической школы был исключен, а в 40-е годы уволен и с работы в той же школе (репетитор и экзаменатор). Попытки обрести устойчивое положение в Академии наук и признание ученых коллег завершились полным фиаско, он переходит на содержание последователей, собиравших для него деньги. Почти двухлетнее выпадение из социума вследствие “умственного кризиса” в возрасте 28 лет, нервный срыв вскоре после 80-часовой непрерывной “медитации” над планом дальнейших исследований и возлагаемыми в связи с этим на себя обязанностями перед человечеством; две попытки самоубийства, 7 месяцев в психиатрической клинике, откуда выписан “без признаков выздоровления”. Семейная жизнь, которую Конт мыслил как союз строгого подчинения жены мужу, не удалась. Каролина Массин имела иные взгляды на то, как должна быть устроена жизнь, в том числе совместная — мужчины и женщины, самостоятельно зарабатывала, вела переписку со знакомыми мужа; и сама-то происхождения не знатного, удручена была низким статусом их союза. За две недели доброжелательного ухода добилась того, чего в лечебнице не дали изоляция и месяцы холодных ванн с последующим закутыванием в мокрые простыни. Конт высоко ценил ее отношение к нему в тот период, но все равно обвинял в меркантильном отношении к браку и его научно-литературным трудам. После 17 лет совместной жизни, складывавшейся из придирок с его стороны, материальных трудностей, ее неприятия его семьи, более и менее серьезных размовок, а также ее периодических “побегов”, они расстались. Не отказал в материальной помощи, но в Завещании обвинил в тяжких грехах (М.Пикеринг уверена, что бесосновательно) и назначил посторонних распорядителей имуществом и издательскими правами (всего 13 самых доверенных последователей, иерархически организованных и возведенных в сан священников позитивистской религии). А она, оспаривая в судах это завещание после его смерти, утверждала, будто и ранее склонный к психическим расстройствам, в последние годы он был безумен; ни на кого из окружающих, и впрямь, похож он не был. Ни к чему не привела и последняя попытка создания семьи — любовь к Клотильде де Во. Она отклонила предложение о браке, в одном из писем к ней (сохранилось почти 100) он пишет, что смирился с тем, что ее отношение к нему никогда “не перейдет грани дружбы”; через год после знакомства она умирает от чахотки, Конт называет ее своей музой и создает культ Клотильды де Во, которого истово придерживается.

Позитивистское общество во второй половине 1850-х годов все больше напоминало секту, даже ближайших учеников озадачивали отдельные фрагменты содержания доктрины, не всегда они понимали и поддерживали учителя. Даже в “Курсе позитивной философии” Конт без стеснения обсуждает перипетии “умственных кризисов”, прохождение курса лечения в психиатрической клинике и реабилитации на дому, нисколько не сомневаясь, что солидарность утверждается только там, где все открыто и прозрачно, а честность становится достоинством “новых”, “послекризисных” людей в пришедшем в равновесие мире. И совсем мало предшественников и современников, кому бы Конт считал себя многим обязанным; намеренно избранное дистанцирование, часто встречающееся у гениев, обреченных самопровозглашению. И с молодых лет стойкий симптом “гиперграфии”, неиссякаемой умственной энергии и творческой одержимости, воплотившихся во многие десятки тысяч написанных и напечатанных страниц.

Однако мы знаем, что этот неуживчивый, с непомерным самомнением (“патологический эгоцентрик” — раздраженно или удрученно замечает современный), не способный сколько-нибудь долго поддерживать сеть межличностных и профессиональных контактов человек, которому очень не по душе то, *что* он знает об этой реальности и *чего* никто о ней не знает, придумывает социологию как науку о множественных связях объединенного человечества, а также основывает Религию Человечества, утопию совместной жизни людей, где всевластны любовь, доверие, солидарность. Конт, складывается впечатление, в периоды сверхработоспособности не знает уныния и разочарований, его взор сквозь сумрак повседневности упорно проникает к светлой стороне мира, каковой видится будущее, — озадачивающий, с сегодняшней точки зрения, оптимизм, разделяемый с Просвещением. Философскими трудами, публицистикой, лекциями он укрепляет статус оптимизма, выстраивая идеализированное виртуальное сообщество, к которому хотел бы принадлежать и занимать в нем подобающее место; мир переворачивается — и перевернется — с уютной стороны на лучшую. В конце жизни он по ту, переднюю, грань настоящего, в придуманном мире, интеллектуально затворяется, торопясь завершить разработку доктрины очередным 4-томным сочинением, а первый том в 900 страниц успевает издать. Не дождавшись массового читателя (от 200 до 450 экземпляров каждой из 4-х книг “Системы позитивной политики” было продано), постепенно и невозвратно погружается в милые уму и сердцу представления, в доступную ему воображенную, “подлинную” реальность, осознавая, быть может, что научный его дар человечеству современниками не принят. Потомки же, как нам известно от М.Пикеринг, будут еще избирательнее, благоволящая многолюдная аудитория так и не соберется.

Главное же уведомление от Конта недвусмысленно: оставьте сомнения, выплеск насилия, уродливости, несправедливости, нравственных аномалий, страха, отчаяния, сгустившихся во фрустрации тревог на самую поверхность этого мира, порождающий у способных рассуждать здраво недоумение и возмущение, укротим. И средства для этого есть, их у апологета надежд и чаяний человечества не меньше трех: позитивизм, социология, утопия.

Позитивизм

Та стадия эволюции человечества, начальная ступень которой, убежден Конт, достигнута, пройдет под знаком науки. Наука же есть прежде всего законы, некие управляющие и предписывающие инстанции, которые в совокупности составляют “систему мира”. Ближайшей моделью, а равно образцом для подражания тут, не исключено, было описание Лапласом движения планет солнечной системы, представленное им в популярном, написанном без математических формул трактате “Изложение системы мира”; именно астрономии посвящены публичные лекции Конта. Впрочем, то было время, когда во всех науках создавались “системы”, рациональные конструкции, исчерпывающе представляющие предмет.

Наука, кроме того, интенциональна, она не только о том, что есть тут и сейчас, но и о том, что будет завтра и везде, максима “видеть, чтобы предвидеть” является законом и науки, и позитивизма. Здесь затаен и еще один смысл, не часто проговариваемый, но восходящий еще к Декартовому “Размышлению о методе”: законы уведомляют всех о том, как должно быть, ведь истина — начало тотализирующее, универсально подчиняющее. Поскольку физика XVIII и первой четверти XIX столетий практически не знает идеи относительности, то предполагается и абсолютная позиция наблюдателя и абсолютная (единственная) истина — идея, которая подчинила Конта и которой он призывал покориться других на том простом основании, что она исходит от науки.

Поскольку “позитивистский дух” торжествует в науке, то дело не столько в том, чтобы просто видеть, сколько в том, чтобы задаваться вопросом, ведь в счет здесь идут единственно ответы, которым предшествуют четко сформулированные вопро-

сы. Томас Кун в “Структуре научных революций” в таких случаях упоминал “головоломки”, с которыми имеет дело естествоиспытатель, а в социологии апеллируют к “определению проблемных ситуаций”. Конт прививал себе подобный навык в секретарях у Клода-Анри Сен-Симона и его учеников, в среде, где преобладала социальная тематика, а также в ходе написания текстов, ныне составляющих том его ранних политических произведений. Вот что там, сдастся, узнали: мир людей, и ранее находившийся в движении, вдруг обрел ощутимое ускорение, причиной которого явилась новая активность, индустриализм. В вихревое перемещение вовлечены идеи, ценности, статусы, вещи, все утратило привязку к конкретным “местам”, порождая устойчивое ощущение беспорядка. Быть может, Конт, в силу явно повышенной чувствительности невротического свойства и некрепкого сложения, особенно остро переживал ментальный и физический дискомфорт от подобного ускорения, укрепляясь в потребности “дать законы” этой стихии движения, выявить “силы”, его упорядочивающие. И ничто, решительно ничто не оправдывало эту действительность; степень ее необязательности была такова, что не оставалось иного выбора, как предпочесть иную, рационально сконструированную.

Там же накрепко усвоена максима об утилитарном предназначении знания: знать — чтобы вносить гармонию туда, где она отсутствует, знать — чтобы улучшать. Никакого праздного познавательного любопытства Конт не признавал и не допускал (“человек должен спрашивать себя о том, в чем он нуждается, а не о том, что он может знать”), пребывая в неколебимой уверенности, будто наука и знание всемогущи и способны разрешить все экзистенциальные трудности людей. Тот род энтузиазма, возбуждаемый первыми успехами, которые представляются необыкновенными и грандиозными. Позитивизм как установка пытливому уму на реальность связывает основные идеи и понятия в гармоничное целое, а своими практическими результатами имеет адекватную идентификацию проблем, их разрешение в виде законов, а также предвосхищение возможных следствий из нынешних ситуаций.

Но если наука — это способность находить связь там, где ее раньше не усматривали, способность укротить хаос и заместить его порядком, то мир людей, однажды пришел к заключению Конт, не имеет своей науки. Свидетельством тому — царящий тут произвол, эгоизм, беспричинное насилие, путаница идей, желаний, устремлений, надежд, прав и обязанностей, отсутствие общеобязательных принципов и правил, надежных указателей и ориентиров движения к более достойной совместной жизни. Подобной наукой объявляется социология, и в трех последних томах курса позитивной философии рассматриваются социальная статика и социальная динамика, фактически ее “предмет”. При этом французское общество характеризуется преимущественно в биологических терминах — “социальная болезнь”, “патологический случай”, “хроническая эпидемия”. 27 апреля 1839 года он вносит в рукопись слово “социология” и подчеркивает его, что в обширном эпистолярном наследии Конта — верный знак волнения от важности сообщаемого, тут — сделанного открытия.

Социология

В Сети встречаются многочисленные изложения социологических, философских, идеологических взглядов Конта, а также извлечения из специализированных учебников, подготовленных авторитетными специалистами, наподобие вышедшего уже не первым изданием в 2001 году в Москве тома “История социологии в Западной Европе и США”. Глава первая — “Огюст Конт и возникновение позитивистской социологии” — там написана Еленой Осиповой. Между тем, говорить применительно к Конту “позитивистская социология” хотя и традиционно, но не совсем верно: все-таки о квалиметрии социальных феноменов он ничего не мог знать. К тому же определение “позитивистская” вольно или невольно содержит идеологическую составляющую, вводя распознавания, имманентно не свойственные самой научной

дисциплине. обстоятельный реферат с широкой библиографией попался мне на экзотическом портале, называвшемся “Вечность пахнет нефтью”, там достаточно подробно изложено содержание и социальной статике, и социальной динамики в понимании Конта периода “Курса позитивной философии”. А вот Г. Батыгин в рецензии на книгу московских авторов иронически относится к мысли о том, что тот был ученым-социологом, как и вообще ученым — его место скорее в истории общественной мысли или в истории идеологий.

Нам, сегодняшним, не дано читать Конта так, как читали современники, из нашего восприятия неустраимы накопленные впоследствии знания. Отсюда вовсе не следует, будто ныне легче трактовать сказанное им, выдав за понимание различие все еще актуального и безнадежно анахроничного, равно как и остается опасность привнести “обновления”, чуждые первичному тексту. Однако шанс увидеть в Конте современника не стоит упускать, что вполне в его духе, когда посредством нового Календаря он намеревался сделать современниками наиболее выдающихся людей прошлого — так предполагалось поддерживать связь времен.

Безусловно, место Конта надежно закреплено авторством термина, но к этому не сводится его вклад в основание новой науки, существеннее формулирование им основных принципов того, что Чарльз Миллс столетие спустя назовет социологическим воображением — способностью более или менее ясно понимать, как устроено совместное человеческое общежитие, что происходит с каждым в отдельности и с миром в целом, на что людям стоит надеяться и что ожидать, или, по-другому, способностью перевести взгляд за горизонт очевидности. Причем имеется в виду как социологическое воображение исследователя, так и всех индивидов без исключения. В наследии Конта его конституируют шесть основных принципов: хронотоп, дифференциация, стратификация, научность, институционализация, институциональное воспроизводство порядка. Два момента здесь стоит принимать во внимание: а) хотя Конт не пользовался подобными понятиями, но о самих процессах говорил подробно; б) структура воображения совпадает со структурой реальности, поскольку последняя есть то, что мы о ней узнали, применив научные методы и обобщив эмпирические факты.

Хронотоп. Конъюнкция “порядок и прогресс” образует единое целое — утверждение, неоднократно встречающееся на страницах “Курса позитивной философии”. Социальная статика (порядок) представляет собой систематическое изложение обоснованных суждений о взаимосвязи индивидов, событий и процессов в пространстве. Социальная динамика (прогресс) является учением о том, как вследствие накапливаемых изменений в физических условиях существования, а также изменений в интеллектуальных, моральных и политических диспозициях человечество переходит на более высокую стадию развития — эволюционирует во времени. Но “пространство-время” расщепляется исключительно аналитически, когда исследователь сосредоточен преимущественно то ли на порядке (сугубо пространственных характеристиках), то ли на прогрессе (приоритет временных характеристик), исходными же остаются онтологическое единство и представление о том, что прогресс есть видоизменение порядка, а любой порядок есть следствие состоявшегося ранее прогресса. Доминанта хронотопа — его неоднородность (гетерогенность).

Дифференциация. В XIX веке неоднородность обсуждается в контексте общественного разделения труда. Ближайшим его следствием оказывается многомерная сегментация социума, усложняющаяся от стадии к стадии эволюции человечества. На позитивной стадии, по Конту, она примерно такова. Два больших сегмента — практическая деятельность и деятельность духовная — унаследованы, они присущи всем стадиям. Основные, в сегодняшней терминологии, отрасли представлены властью, индустрией, искусством, наукой, философией. Поскольку люди — действующие существа, то их энергия расходуется преимущественно в индустрии, а не на войне, как было раньше. Классов всего 5 (банкиры, купцы, предприниматели, ра-

бочие, аграрии), а еще один класс — спекулятивный (ученые, художники, литераторы) — должен сформироваться и обрести духовную власть. И, наконец, функциональное разделение труда — обособление профессий и занятий. Кроме того, в фокусе различающей способности воображения — люди, с присущими им свойствами характера, предпочтениями и желаниями, семьи, а также общество — и совокупность семей и взаимодействие и кооперация на основе разделения труда.

Модерн, по Конту, не более чем дестабилизированные Средние века, когда скорость прогресса по разным причинам увеличивается, а такое состояние допустимо интерпретировать либо как переходное, редуцируемое к стабильности, либо как permanently переходное. Конт выбрал первый вариант: разделение труда своим следствием имеет преимущественно дезорганизацию, вызывая дисперсию идей, индивидуализацию желаний, влечений, притязаний и одновременно приглушая социальные инстинкты и чувства. Если в обществе хаос, то необходимы упорядочивающие импульсы, правила, стимулы, своеобразная машинерия сборки, компенсирующая атомизацию, производимую разделением труда. Настоящее несовершенно, но все может быть устроено наилучшим образом.

Стратификация. Наилучшим образом — значит иерархически, что предполагает субординацию и подчинение. Неравенство — вот принцип, в соответствии с которым выстраиваются структуры совместной жизни и взаимодействия между индивидами, будь то семья, организация или социальный институт. Приведенный выше перечень классов, к примеру, строго иерархичен в соответствии с вводимым Контом критерием: чем абстрактнее деятельность составляющих класс индивидов и, соответственно, чем более высокой степени интеллектуального совершенства она требует, тем выше класс на социальной лестнице, тем большим доверием и авторитетом пользуется.

Стратифицированный порядок — это когда каждый “знает” свое место, то есть объем прав и обязанностей, границы дозволенного, лимиты потребностей, возможности совершить мобильность в честной конкуренции с другими. Неравенство оказывается “законом”, тем, от чего индивиды не властны уклониться, что обеспечивает целостность и устойчивость “общества”, что индивиды принимают в качестве неустраняемого условия своего существования. Принимают вследствие бесконечного доверия к науке как источнику легитимности архитектуры и дизайна жизненного мира, фактически — веры в научность.

Научность. Почти что синоним позитивизма. У нее две специфические особенности. Прежде всего “двойная интенциональность”, то есть направленность на внешний мир, знание о котором потаенно содержится в нем самом и открывается настойчивым интеллектуальным практикам ученого, который находится как бы над миром. Но также и взгляд “изнутри”, из глубины человеческого мира, когда изучаются механизмы его репродукции, что является содержанием второго тома “Системы позитивной политики”. Такие двойные практики систематичны, поскольку опираются на методы. В социологии, считает Конт, как и в прочих науках, их три: наблюдение, эксперимент, сравнение.

Контское “наблюдение” предполагает нахождение исследователем эффективной когнитивной позиции, то есть обоснованной теории или концепции, которые одни только и позволяют отбирать материал, анализировать и синтезировать. Трудность в том, что их предварительно необходимо открыть путем непредумышленного сочетания систематических занятий и интуитивного озарения. Самому Конту это удалось тогда, когда в сен-симоновском кругу он задавался вопросом об основаниях эволюции общества и публиковал ответы в ранних произведениях, так называемых “фундаментальных опускулах”, где излагались обнаруженные им закономерности и зависимости. Последующие многотомные сочинения представляли собой их обоснование на материале наук и истории человечества. Эксперимент предполагает изучение патологических случаев с целью выявить норму или долж-

ное. Сравнить, то есть устанавливать сходства, отличия, особенности, преемственность, можно тремя способами: человеческие сообщества соотносятся с животными; цивилизованные — с “дикими” человеческими сообществами; сообщества сравниваются на разных стадиях развития человечества. Компаративистика именно Контом возведена в статус значимого познавательного средства в социологии.

Социология, таким образом, призвана выявлять и описывать связь (степень солидарности) в пространстве — между ныне живущими, и во времени — между теми, кто жил прежде, и ныне живущими. А в ее практические функции входит гармонизация отношений между индивидами, между поколениями, между классами, между нациями, ведь размышление, а наука есть размышление, никогда не замыкается на себе, но предуготовывает к последующему действию. Конт, впрочем, не особенно полагался на убеждающую силу науки и научности самих по себе и, ввиду того что люди не склонны следовать предписаниям науки, признавал необходимость существования рационально организованного начала, оснащенного возможностями и ресурсами побуждать и принуждать индивидов действовать социально приемлемым образом, то есть институты.

Институционализация. Понятие “социальный институт” присутствует в лексиконе Конта, он прямо говорит в текстах и косвенно признает необходимость дополнительных к дифференциации и стратификации скреп, предохраняющих социум от распада, надежно страхующих его целостность. Институты являются наиболее универсальными “социальными отложениями”, образующими фундамент мира людей, а социологии надлежит их обнаруживать и описывать. Таковы, в первую очередь, обладающее практической властью государство, претендующие на духовную власть наука и общественное мнение, а также семья. Государству (правительствующей бюрократии) отводится тут главенствующая роль как выразителю общих целей, попечителю общего добра и гонителю зла. Слушателям лекций сообщалось, что следует рассчитывать на прогрессирующее интеллектуальное и моральное совершенствование властвующих элит в их деле истового служения тому, что составляет общую ценность и общее достояние. В “Курсе позитивной философии”, однако, содержится не более чем эскиз институциональной структуры, Конту важно было задать социологии цели, обозначив приоритетом ее познавательной активности морфологию общества в единстве микро- и макроструктур. Открытым остался вопрос о том, как воспроизводится социальный порядок.

Институциональное воспроизводство порядка. Ответ на него находим во втором томе “Системы позитивной политики”, который Конт писал два года и издал в мае 1852-го. Социальную статику конституируют и гарантируют пять институтов: религия, обеспечивающая солидарность в виде повиновения, союза и защиты; экономика, или материальная деятельность, создающая взаимно зависимые классы общества; семья, то есть эмоциональная активность, сплачивающая родственников в неконфликтные союзы; язык, или интеллектуальная активность, форма бытия, обуславливающая способы восприятия и понимания; церковь и позитивистские священники, следящие за соблюдением культов, в одном лице объединяющие поэтов, философов и психиатров. В результате складываются целостные образования, которые Конт называет “социальными организациями”, состоящими из семей, классов и городов. Третий же том “Системы” посвящен социальной динамике, и там показано, усилия каких акторов (классов) сначала способствуют установлению порядка, а затем столь же неотвратимо ведут к его разрушению, вместе с которым и сами классы покидают сцену истории.

Таким образом, собственно социальная реальность оказывается гетерохронотопией, единством неоднородности, времени и пространства, что стоило бы перечислять через дефис. Но тогда и сколь угодно малый фрагмент этой реальности также гетерохронотопен, то есть состоит из упорядоченных элементов, занимает определенное “место” (локализован) среди прочих мест, ему присущи три временных из-

мерения (прошлое, настоящее, будущее). Все вместе обуславливает главные свойства социальных структур, от которых Конт предпочел абстрагироваться, — их неподатливость, сопротивляемость и инерционность.

Между тем чрезмерность надежд, возлагаемых на социологию, Конта ничуть не смущала. Она не просто увенчивала классификацию наук, но и объявлялась единственно адекватной истинно научному предназначению — выписывать обществу оздоровительные рецепты и даже принуждать к принятию соответствующих лекарств. Причем это наука не столько настоящего, сколько конструируемого с ее помощью будущего, ведь хаос переходного состояния преодолим благодаря созидательному потенциалу социологии. Оттого и “социологи” — Конт первым использует и этот термин — возглавляют иерархию ученых, их экспертное знание, обобщающее сведения прочих наук, обладает высшей ценностью, их духовный приоритет непрекаем, их духовная власть общепризнанна, они завершают “расколдование” мира людей. Неординарное и претенциозное воззрение: французская Академия наук нашла его неприемлемым, как и контовские планы реформы образования, а самому мыслителю отказала в оплачиваемой должности в своем составе, несмотря на его неоднократные обращения.

Чаяние основать доминирующую, универсальную, императивную по духу и целям науку отклонено последующим развитием общественности. Тем не менее его эхо продолжает отчетливо слышаться. В некоторых странах социальные философы, т.е. те, кто размышляет о фундаментальных основах пульсации и эволюции социума, предпочитают называть себя социологами. В 1960-е годы в СССР обладающие властью адепты тогдашней идеологии, при всей присущей им нечувствительности к теоретическим различиям и тонкостям, определили статус социологии как “прикладной” дисциплины, призванной упорядочивать связи на микроуровне социума, отведя притязания на “общие” социальные проблемы, а равно и тематику прогресса в ведении советской разновидности философии. Тогда же по каким-то загадочным причинам, но в связи с Контом, стала вновь обсуждаться проблема классификации наук, содержание и цель которой так и не были прояснены. Должно полагать, потому, что не могут быть прояснены вообще.

Очевидно, что смысл относительно недавних дебатов об “исчезновении общества”, о “социологии вне обществ” ускользнул бы от Конта, он не допускал возможности исчезновения того, что связывает, и что “общество” распадется на автономные образования, семейные или более крупные, ведь разделение труда хотя и разобщает, но и побуждает к кооперации, интегрирует и сплачивает. А вот проект “глобальной социологии” — одна из последних новостей дисциплины — был бы им принят, поскольку ничего иного он в виду и не имел. Его приверженность идее единого человечества находится в полном согласии со всей концепцией позитивного мышления, для которого отдельного человека не существует, а реален исключительно весь массив индивидов, необычное целое, находящееся в естественной связи, не знающее границ и разделений солидарное общежитие на основе доброжелательного сочувствия, производящего и общее, и частное благополучие, и даже счастье. Достойная снисходительной усмешки неосуществимость, не утрачивающая оттого ни толики специфически контовского гуманистического пафоса, сочетающегося с холодноватым безразличием к каждой отдельной индивидуальной судьбе. Это превосходство общественности над животностью, альтруизма над эгоизмом, доминирующим на прежних этапах развития мышления и человечества.

Завершая “Курс позитивной философии”, читаем у М.Пикеринг, Конт уже пребывает в убеждении, что высокая цель умиротворения индивидуалистических вожделений повелительно требует надстроить над социологией еще одну науку — мораль — и основать новый институт, позитивную Религию Человечества.

Утопия

Утопией в творчестве Конта М.Пикеринг называет четвертый том “Системы позитивной политики”, в котором излагается устройство надвигающегося из будущего позитивистского общества и основное условие перехода к нему в виде Религии Человечества. Квинтэссенция ее воплощена в известной формуле “Любовь как принцип, Порядок как основа, Прогресс как цель”. Частности, как и анализ анатомии “позитивистского общества”, легко отыскать в Сети, хотя бы в публикации В.И.Яковенко, в упоминавшейся книге Э.Верника или в статье Эгилла Арнарсона “Prophesying Global Justice: Thinkers of the French Revolution on Universal Progress” (TRAMES, 2007, 11(61/56), 4, p. 457–469).

Текст объемом в шестьсот страниц продуман и перенесен на бумагу всего за шесть месяцев, с января по июль 1854 года, тогда-то впервые Конт всерьез озаботился проблемой стиля или просто уступил вольной игре творческого воображения. Научная утопия должна была напоминать художественное, более того, поэтическое произведение, и потому каждое предложение составляло пять печатных строк, повторы слов не допускались, слова подбирались по сочетанию гласных и согласных в конце одного и начале второго, параграфы состояли из одинакового количества предложений — явное намерение писать ритмической прозой. Все тут соответствовало постепенно обретенному умонастроению, согласно которому в проектируемом обществе наиболее авторитетны не философы и социологи, и уж точно не естествоиспытатели, но поэты, непревзойденные знатоки и ценители гармонии, а наука, быть может, только общественная, сближалась с искусством.

Утопии, вообще говоря, невозможно вменить упрек в несбыточности, она удовлетворяет единственную потребность, потребность эстетическую, хотя Конт рассчитывал на эффект очевидности, достаточный для сдвига в восприятии: видеть можно иначе, желать можно иного. Корнелиус Кастириадис где-то написал, что утопии крайне важны для понимания истории человечества, так как показали, что общественные институты и установления могут и должны быть делом ума и действий индивидов и их сообществ. И не так важно, что утопии оказываются неизвестным местом, где история замирает, ведь власть воображения распространяется не только на институты, но и на само течение исторического времени. Бесповоротно перемещающая будущее в актуальное настоящее, утопия предстает тем, что может быть одиноко стоящей необъективной, но “высокой” истиной. В какой-то момент Конту открылась грустная правда: этот мир не стоит того, чтобы к нему прилаживаться, ему лучше предписать разумное устройство. Однако социальный гомеостаз, это уже понято, не установить силой одних только законов науки, в “системе человечества” аффекты и страсти доминируют, а их укрощение под силу новой, объединяющей всех людей религии. Разумеется, и по способу разработки и по содержанию она непременно должна быть научно-рациональной, тогда-то и совершится синтез *достоверного знания и веры в знание*, следствием которого станет устойчивый стратифицированный порядок, где долг служения каждого всему человечеству будет и профессией, и призванием (режим социократии). Чистейшая, с надежным иммунитетом ко всякой обыденной мерзости, фантазия, которую не на что опереть, кроме как на маниакальную уверенность в том, что если социальное прекрасное существует, то в таком только виде — почти откровенья. Подобного свойства самобытная фантазмагория многими тогда и потом приравнивалась к серьезному отклонению от психической нормы.

В Религии Человечества четыре конституирующих элемента, в ней все сакральное — от мира сего. Во-первых, доктрина, составленная из позитивной философии и позитивной политики. Она представляет собой систематическое изложение универсальных знаний о мире, доставляемых математикой, астрономией, физикой, химией, биологией, социологией и амальгамированными Религией Человечества. Во-вторых, верховенство морали, утверждаемое соответствующим воспитанием в семье и школе. Основная цель состоит в том, чтобы с помощью системы ценностей

культивировать “инстинктивный альтруизм”, естественно-дружелюбную ориентацию на другого. Конт составляет список из 150 книг для обязательного чтения, а мораль объявляет седьмой, высшей, наукой, предназначение которой состоит в облагораживании деперсонализированного и оттого асоциального естественнонаучного знания. В-третьих, система индивидуальных (три молитвы в день), семейных (от рождения до смерти через все значимые события жизни) обрядов и ритуалов и общественных — каждый месяц, в виде многотысячных манифестаций и фестивалей, подтверждающих единство всех основных фракций человечества. Особенную функциональную значимость приобретают визуальные символы солидарности: флаги, портреты, бюсты. В-четвертых, Позитивистская Церковь, хранительница наследия цивилизации, возведенного в статус сакрального и ставшего объектом почтительнейшего уважения. Она практикует два универсальных культа, культ мертвых, преемственность в мыслях, в подвижничестве, в служении, наглядно репрезентированный в позитивистском Календаре, и культ женщин, где Мать и дитя символизируют Человечество. Одновременно Церковь весьма требовательна к памяти каждого отдельного человека, которая обязана простираться на всю писаную историю человечества.

Конт грезит о господстве человека над условиями присутствия в этом мире, о бестревожной экзистенции, о мечте с исцеляющими болезнью настоящего времени свойствами, об искусстве быть счастливым в глубоко стратифицированном порядке. Он знает, что без насилия не обойтись там, где господствует предусмотренный им строгий вышкоч, но цель оправдывает, в его глазах, подобное средство, ведь счастье, уж он-то знает наверно, нет никакой возможности доставить отдельной личности — только всему человечеству разом. Четыре доктрины, констатирует М.Пикеринг, особо неприемлемы для Конта: равенство, свобода совести, индивидуальная свобода, национальная независимость. И действительно, ничему такому не найдется места в суровом мире контовского будущего, социальность полностью вытесняет интимность и самые малые прихоти, будто признавая избыточную вредность уже самой их незначительности. Учреждается ненарушимое примирение всех со всеми и с реальностью. Маловероятный, в чем-то казарменный, социальный антураж, не пришедший по вкусу самым преданным апологетам. Стыдился они и культа Клотильды де Во, не понимая, что их учитель в этом-то случае предельно искренен: вера не есть рассудочное состояние, но постоянный сенситивный опыт, без которого вероисповедание выглядит отталкивающим предрассудком или неминуемо вырождается в него.

Подробности этой социальной конструкции интересны сегодня только историкам общественной мысли. Вместе с тем, без представленного выше не обойтись, резюмируя еще одно измерение контовского социологического воображения. Итак, очередная и самая общая, иерархия человечества: а) природа, естественная среда обитания и, одновременно, совокупность естественнонаучных знаний; б) гетерохронопия, вписанное в природу и эволюционирующее множество индивидов, их деятельности, общностей, организаций и институтов (система социологических знаний о социальных структурах и их динамике); в) власть — не избираемая, но назначаемая из самых достойных; г) мораль в виде гуманистических ценностей; д) священное, объекты солидарного почитания.

О Религии Человечества и ее социологических коннотациях Дюркгейм и Марсель Мосс деликатно умалчивают в своих основных произведениях; складывается впечатление, что из-за ее сомнительной репутации во второй половине XIX века во Франции; или же (и хотелось бы считать это более правдоподобным) они приняли сказанное Контом не за убедительный ответ, а за странно сформулированный, но правильный вопрос. К тому же в первое десятилетие XX века психиатры выступили с еще более жестким диагнозом, чем данный лечащим врачом в 1826 году. В именном указателе изданного не так давно в России сборника статей Мосса “Социальные

функции священного” Конт не упомянут. Но случайно ли его пристальное внимание к элементарным формам религиозной жизни, формам классификации, священному как таковому, даже памятью о ширившемся интересе к сакральному вне религии со стороны антропологов и историков религии на рубеже веков? Разумеется, нет. Явно не безотносительны к Конту диссертация Мосса, посвященная молитве (не опубликована), а также исследование о даре, ведь Конт рассматривал дар как первичную форму капитала, обосновывал его новую, альтруистическую, функцию в режиме социократии. М.Пикеринг говорит, будто Конт предвосхищает Мосса. Не совсем так: Дюркгейму и его школе на много лет вперед контовской социологией задана тематика исследований, требовавшая подбора фактологического материала и его корректной интерпретации.

Тем самым инициировалось научное движение различных гуманитарных и социальных дисциплин по изучению места и предназначения священного в воспроизводстве условий и форм совместного существования. Об интенсивности движения в XX веке можно составить представление по книге Сергея Зенкина “Небожественное сакральное” (опубликована в 2012 году, доступна в Сети), а также откликам на нее в “Новом литературном обозрении” (№ 118, 2012). Автор, выстроивший свою работу на французских источниках, соответствующее Контово наследие проигнорировал, оставив за рамками допустимой научности то ли в силу собственных предпочтений, то ли следуя некоей общепринятости. Философами, антропологами, социологами и филологами, обосновывает С.Зенкин, твердо установлено, что некоторые мыслительные конструкции постоянно или только эпизодически обретают статус “небожественного сакрального”, динамичным аспектом которого становятся разнообразие культа или риторические фигуры речи уполномоченных представителей. Кому же не приходило в голову, что такие “ирреальные реальности”, как “нация”, “демократия”, “рынок”, обращаются не в сфере повседневного опыта и его компонентов, но в сфере, где доминирует вера, а не чувства и разум.

* * *

Неприемлемые изъяны хаоса побудили Конта размышлять об условиях регенерации порядка. Ужасы тоталитарного порядка (чрезмерно насильственной солидарности) в XX веке, то есть реализации “прогресса Просвещения в позитивизм”, по мысли Теодора Адорно и Макса Хоркхаймера в “Диалектике просвещения”, казалось бы, окончательно отодвинули Утопии в невозвратное прошлое. Однако на рухнувшую в конце XX века конструкцию государственного социализма Френсис Фукуяма отозвался утопией “конца истории”, на миг удовлетворив тоску по жанру, жизнеспособность которого не стоит преуменьшать.

Многословная, местами темная социологическая проза Конта не вдохновляет современных исследователей культуры, структуры, социального действия. Что странно, ведь она полна наблюдений за современной ему действительностью, а читая его интеллектуальную биографию дивисься и впечатляющей творческой продуктивности в контексте умственных кризисов и лабильной нервной системы, и житейской непрактичности, ведь материальных или символических благ он так и не обрел, и политической неразборчивости, но также и восприимчивости к едва обозначившимся тенденциям эволюции Модерна. Но вот Мишель Уэльбек его читал, в “Платформе” упоминает 50-ю лекцию “Курса” о социальной статике, а контовскую цитату о любви берет эпиграфом к одной из частей, чем предложено угадывать сродство душ, озадаченных пустотой текущей жизни и бегущих ее в медитирующее литературно-социологическое воображение о смысле отсутствующего.